

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный круглый стол «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2008 г.

Л. М. Коротких

ЭТНОНИМ «ИБЕРЫ» И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Полиэтничность населения Пиренейского полуострова была отмечена еще античными авторами. Так, перипл Гекатея изобилует этнонимами, многие из которых, вероятно, произведены им от названия прибрежных поселений¹. В поэме Авиена, сохранившей древнейшие свидетельства о народах полуострова, упомянуты десятки населявших его племен. По мере проникновения в Испанию финикийцев, греков, римлян растет и уточняется перечень ее этносов. Вместе с тем общим местом античной историографии является параллельное использование терминов «иберы», «иберийские народы», «жители Иберии». Постепенно этноним «иберы» стал применяться для обозначения народов полуострова в целом, что позволяет думать о процессе растущей этнической консолидации населения, формировании некой культурно-исторической общности.

Попытки осмысления этого процесса были предприняты в конце XIX в., но вплоть до середины XX столетия слово «иберийский» в науке практически не употреблялось ни как дефиниция духовной и материальной культуры, ни как определение народа, оставившего те или иные памятники². Только с появлением серии работ П. Бош Гимперы и его учеников начинается широкое употребление терминов «иберийская культура», «иберийская цивилизация», «иберийский мир»³. Исследователи пытались определить этнические, хронологические,

¹ Изучение исторической семантики этнонимов показывает, что они возникают с появлением локальных групп, берущих в качестве названий маяковую точку местности. По мере роста группового самосознания нарицательные названия переходят в собственные. См. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 105–115.

² Paris P. L'art et Industrie de l'Espagne primitive. P., 1903–1904; Dechelette J. Manuel d'Archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. P., 1910; Siret E. y L. Las primeras edades del metal en el sureste de España. Barcelona, 1890.

³ Bosch-Gimpera P. Los Iberos // Cuadernos de Historia de España. IX. Buenos Aires, 1948. P. 5–93; Maluquer de Motes J. Pueblos ibéricos // Historia de España / Ed. R. Menéndez Pidal. T. I. Vol. III. Madrid, 1954. P. 302–370; Cuadrado Días E. El mundo ibérico. Pamplona, 1960.

В 1990-х годах проблемы методологии исторического исследования стали предметом острых научных дискуссий. См., например, материалы журнала «Восток», где выступили Л.Б. Алаев, Ю.И. Семенов, Л.С. Васильев, В.И. Кузищин и многие другие.

географические параметры иберийской культуры, но недостаточность источников оставила многие вопросы открытыми⁴. Активное археологическое изучение территории полуострова в 80–90-х годах прошлого столетия позволило расширить представление о материальной и духовной жизни его древних обитателей, но научное осмысление и историческая интерпретация полученных материалов только начинаются⁵.

Спорным остается вопрос этнической характеристики носителей иберийской культуры. Наиболее распространено мнение о связи ее с Тартессом – легендарным царством на юге полуострова. Расцвет и последующий упадок Тартесса в конце VI в. до н.э. явились, по мнению ученых, мощным стимулом в развитии иберийской культуры, географическим центром которой стал регион Восточной Андалусии⁶. Кто же создал Тартесс и его культуру? Теории, напрямую приписывавшие это носителям развитых цивилизаций – микенцам, финикийцам, грекам, этрускам, – претерпели значительные изменения в сторону подчеркивания «туземного компонента» в тартессийской культуре. Формированию нового подхода к проблеме соотношения местных и колониальных факторов в процессе становления Тартесса способствовала гипотеза о существовании в истории Запада ориентализирующего периода, наиболее четко сформулированная

Оставляя вопросы теоретической разработки закономерностей и особенностей исторического процесса за специалистами в области теории истории, мы определяем лишь основные понятия, в рамках которых рассматриваем нашу проблему. Вплоть до настоящего времени остается неоднозначной дефиниция терминов «культура», «цивилизация». Этнографы считают возможным увидеть в древнейших культурах материальные свидетельства существования конкретных локально-исторических общностей (см. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 43). Философы подчеркивают многообразие понятия «культура», отмечая при этом, что она присуща обществу с определенными формами социальных, политических, религиозных, нравственных и прочих отношений (см. *Гуревич П.С.* Философия культуры. М., 1994. С. 19). Латинское слово *cultura* переводится как «обрабатывание, возделывание, воспитание, образование, почитание». Исходя из этого Э.А. Орлова, а вслед за ней и А.Л. Вассоевич дают, на наш взгляд, наиболее полное определение культуры как самовыражения «человеческого духа в мире искусственных объектов и заученного поведения» (*Вассоевич А.Л.* Духовный мир народов классического Востока. СПб., 1998. С. 10–14). Столь же неоднозначно понятие «цивилизация». Стремление выйти за жесткие рамки формационного подхода в понимании исторического процесса привело к широкому и не совсем удачному, на наш взгляд, использованию этого термина применительно к дописьменным обществам. В цивилизации видят определенный тип общества с уникальной системой материальных и духовных ценностей (см. *Алаев Л.Б., Ерасов Б.С.* Формация или цивилизация? // Народы Азии и Африки. 1990. № 3. С. 46–56). Латинское же прилагательное *civilis* переводится как «гражданский, государственный». Именно такое содержание имели в виду Л. Морган и Ф. Энгельс, сделавшие генезис древних цивилизаций предметом специального исследования. «Цивилизация», следовательно, – более узкое, нежели «культура», понятие, поскольку последнее включает в себя и искусственный мир первобытности.

⁴ О состоянии проблемы к 1960-м годам можно судить по обобщающей работе: *Arribas A.* The Iberians. L., 1965 (рус. пер.: *Антонио Аррибас.* Иберы. М., 2004).

⁵ *Olmos R.* Los iberos y sus imágenes. Madrid, 1999; *Ruiz A., Molinos M.* Los iberos. Madrid, 2000; *Ruiz Bremón M., Nicolás Pedraz M.* Arqueología y antropología ibéricas. Madrid, 2000.

⁶ *Cerdeño M.L.* Necrópolis célticas, celtibéricas e ibéricas: una visión de conjunto // Congreso de Arqueología Ibérica: Las necrópolis. Madrid, 1991. P. 484; *Blánquez J.* La formación del mundo ibérico en el Sureste de la Meseta. Albacete, 1990. P. 425; *Циркин Ю.Б.* Древняя Испания. М., 2000. С. 137.

К. Вагнером⁷. Если предположить, что тартессии – это «ориентализированные туземцы», то возникает вопрос о туземном компоненте, его соотношении с иберами⁸. В античной традиции нет единства. Диодор (IV. 18), сообщая о подвигах Геракла на юге полуострова, называет его жителей иберами. Самые ранние сообщения Гекатея (fr. 115–119), Геродота (VII. 165), Авиена (Ora mar. 245–255) дают основания считать, что понятия «тартессии» и «иберы» взаимозаменяемы, между ними нет временного и культурного разрыва. К сожалению, размытость географических параметров древних этнонимов не позволяет в должной мере привлечь археологические свидетельства для разрешения этой спорной проблемы.

Отметим, однако, что процесс формирования развитой туземной культуры на полуострове протекал в русле тех же закономерностей, что и в Греции, Италии, Малой Азии, и приблизительно в тех же хронологических рамках: вторая половина II – середина I тыс. до н.э. Наряду с внутренними стимулами в ее развитии огромную роль играли и внешние влияния. В итоге термин «иберийская культура» выражает, на наш взгляд, квинтэссенцию особенностей культурного мира народов Пиренейского полуострова, точно так же, как термины «эллинская», «этруская», «хеттская» культуры при всем многообразии их локальных этнических оттенков обозначают особенности культурного развития народов этих регионов⁹. Для нас важно выявить, какие особенные черты отличали культуру народов крайнего западного предела ойкумены в восприятии древних этнографов и историков, выделивших ее носителей в качестве иберов. Здесь уместно использовать понятие «стиль» культуры, т.е. сочетание содержания и способа передачи культурных достижений народа¹⁰. Стиль культуры проявляется и в хозяйственно-экономической, и в социально-политической сферах жизни общества, систематизированных в мифологических представлениях и ритуальной практике.

Создается впечатление, что в основе иберийской культуры лежат еще неолитические корни. Традиции мегалитизма, основные формы колоколовидной керамики, примитивная живопись наложили свой отпечаток на характер культуры иберов в последующем. Уже в период энеолита определяется опережающее

⁷ Wagner C. Aproximación al proceso histórico de Tartessos // AEA. 1983. Т. 56. Р. 3–36. Например, Л. Пелисьер, анализируя данную теорию применительно к истории полуострова, считает, что финикийские колонии эпохи бронзы обосновались на «туземном субстрате». Х. Бласкес, подчеркивая культурный симбиоз туземцев и колонистов, считает возможным определять «процесс ориентализации полуострова как процесс его тартессизации» (см. Бласкес Мартинес Х.М. Orígenes финикийской колонизации в Западном Средиземноморье и Тартессийское царство. Состояние проблемы // ВДИ. 2004. № 4. С. 78). В.И. Козловская отмечает, что Турдетания – осколок Тартессиды – сохранила «тартессийско-туземное» ядро, обогащенное «кельтско-атлантической компонентой» (Козловская В.И. Комплекс Канчо Роано в свете современной археологии: резиденция тартессийского правителя или крепость-святилище? // ВДИ. 2004. № 3. С. 101).

⁸ Ю.Б. Циркин, ссылаясь на сообщения Псевдо-Скимна (198–200), Диодора (XXV. 10), Полибия (III. 33. 9), полагает, что иберы и тартессии – это два разных народа (Ук. соч. С. 131).

⁹ Можно предположить, что по мере возрастания роли тех или иных территорий этноним его населения становился общим нарицательным. Любопытно наблюдение Л.С. Клейна, отметившего, что «ахейцы», «данайцы», «аргивяне» в гомеровском эпосе упоминаются как синонимы греков, сменявшие друг друга (Клейн Л.С. Анатомия Илиады. СПб., 1998. С. 70).

¹⁰ Данто А. Язык, искусство и культура // Общество и культура: проблемы множественности культуры. XVIII Всемирный философский конгресс. М., 1988. Т. 2. С. 28.

развитие юго-востока полуострова, где в эпоху бронзы расцветает культура Эль Аргар. Именно аргарская культура с ее передовыми технологиями в области производства, новыми формами быта и идеологии широко распространяется по всему полуострову, демонстрируя при многообразии локальных вариантов некое культурное единство. Гибкость и контактность аргарцев позволили им без особых трудностей принять первые волны индоевропейцев, которые привнесли новые черты в формирующийся сплав иберийской культуры. Экономическая доминанта народов-носителей аргарской культуры приводит к формированию у них начальных политических структур. Высшая ступень политогенеза представлена Тартессийской монархией.

Значительный этап этнокультурной эволюции связан с формирующимся средиземноморским койне. Процесс «иберизации» народов Пиренейского полуострова протекает на фоне интенсивных контактов с финикийцами, этрусками, греками. В этом взаимодействии проявился синкретический характер иберийской культуры, сумевшей вобрать черты средиземноморских цивилизаций, сохранив при этом яркую индивидуальность. Ее не смогли затушевать ни позднейшие распри Рима и Карфагена, превратившие полуостров в арену жесточайшего соперничества, ни вхождение его в состав Римской державы и последующая романизация.

Попытаемся выявить основные черты иберийского стиля, сохранившиеся в памятниках археологии и сведениях письменной традиции.

Иберийскую культуру отличает развитый урбанизм. Причиной тому, на наш взгляд, стало появление и бурное развитие металлургии и металлообработки у племен полуострова, связанное с его необычайным богатством полезными ископаемыми. Интенсивное развитие ремесла породило множество протогородских поселений еще в период энеолита. Эта тенденция усиливается в эпоху бронзы (период Эль Аргар). Самые ранние пласты античной традиции, представленные периплами, уже содержат сведения о городах на полуострове. Авиен, передавая сообщения одного из древнейших периплов, сообщает, что иберы, расселившиеся здесь, имели массу городов, среди которых Герна, Илерда, Сикана, Тирис, Гилакты, Гистра, Серна, Тирихи, Каллиполис, Таракон, Кипсела, Пирена (Ora mar. 475–565). По мере ознакомления с внутренними областями Иберии античные авторы увеличивают перечень городов на полуострове. Они отмечают весьма осмотрительный с точки зрения экономической и военной стратегии выбор места для поселения. Город возникал, как правило, на перекрестье сухопутных торговых путей, неподалеку от удобных морских и речных гаваней, вблизи залежей полезных ископаемых или на плодородных равнинах. Этот принцип отмечен для всей географии городов полуострова. Так, расположенный на юге город Тирихи был чрезвычайно богат, поскольку «...кроме плодородия земли, которая кормила обширные стада, растила виноградники и дары златокудрой Цереры, по реке Иберу подвозились иноземные товары» (Av. Ora mar. 504; пер. С.П. Кондратьева). Обнаруженный на южном побережье город Мурги, который отождествляют с одним из авиеновских городов, отвечает условиям, описанным в перипле. В этой же части страны, на небольшой территории, занятой бастетанами, «...городов огромное множество... говорят, до 200... расположены по берегам рек, у лиманов и на море... в горах много рудников. Больше всего серебра в областях около Илипы и Сисапона (города иберов. – Л.К.)... здесь одновременно добывают медь и золото... справа – большая равнина, возвышенная и весьма плодородная, с высокими деревьями и прекрас-

ными пастбищами» (Strabo. III. 2. 1, 3; пер. Г.А. Стратановского). Свидетельство Страбона подтвердили данные археологических разведок этих территорий¹¹. Подобный подход сохранялся и в расположении городов центральной и северо-западной частей полуострова. Стратегически выгодное положение города Нуманции, находившейся в долине реки Дуэро, отмечает Аппиан: «...стояла на обрыве между двух рек и оврагов; ее окружали густые леса, и на равнину вела только одна дорога...» (Iber. 76; пер. С.П. Кондратьева). В этой части полуострова (современная провинция Кастилия и Леон) Аппиан упоминает город Термес (ibid. 431–432). Раскопки его выявили на возвышенности, прекрасно укрепленной природой, город, контролировавший равнину, горные пастбища и торговые пути¹². Продуманный подход к выбору места для поселения определил стабильность иберийских городов. Археологи отмечают их многослойность, существование зачастую на местах прежних энеолитических поселений. Раскопки древнего Термеса, например, показали, что поселение, возникшее еще в неолите, продолжало развиваться в эпоху бронзы и железа, в римский период, затем было завоевано вестготами и процветало в раннем средневековье.

Легко выявляется картина роста городской территории, по мере которого возводились новые кольца оборонительных стен. Поселения Вила Нова де Сан Педро и Лос Мильярес (на юго-востоке и юго-западе полуострова) имели по три кольца городских стен. Страбон, упоминая на северо-восточном побережье Эмпорион (древнюю Пирену), отмечает, что «...город разделен стеной, проходившей через центр...» (III. 4. 8). Археологические материалы позволяют проследить эволюцию городской архитектуры. Характерной чертой градостроительного искусства народов Пиренейского полуострова была тщательная привязка поселения к особенностям весьма сложного ландшафта. Так, например, стены и бастионы энеолитических протогородов Эль Офисио и Лос Мильярес, возникших в горных районах на подступах к месторождениям полезных ископаемых, террасами спускались с гор, повторяя очертания возвышенностей, на которых они расположены. Этот принцип сохранялся и позднее. Обязательной частью города были укрепленный акрополь и стены, усиленные бастионами в виде возвышавшихся башен разной формы. Сохраняя навыки мегалитического строительства, иберы возводили стены из больших камней, укрепляя их забутовкой из глины, перемешанной с мелким гравием, галькой. Эту технику демонстрируют остатки сооружений эпохи бронзы, обнаруженные в Кастулоне, Сегобриге, Мурги, Термесе, Нуманции¹³.

Помимо акрополя и укреплений в иберийских городах археологами фиксируются торговые, ремесленные, жилые кварталы. Такова, судя по периплу, сохраненному в поэме Авиена, была уже планировка легендарного Тартесса: у реки

¹¹ *Pedro P., Duenas J., Ortiz D.* Cartografía de los yacimientos calcolíticos, argáricos y del bronce tardío y final de la dispersión de Vera // Proyecto Gatas. Sociedad y economía en el Sudeste de España c. 2500-800 a.n.e. BAR International Series 348. Oxf., 1987. P. 30–51.

¹² *Jimeno A.* Numancia. Guía arqueológica. Soria, 2002; *Parcero O., Fernandez C.* Iron Age Archaeology of the Northwest Iberian Peninsula // Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. Milwaukee, 2006. Vol. 6. P. 1–73; *Burillo F.* La ciudad celtibérica de Segeda // Palaeohispanica. 2001. № 1. P. 87–112; *Argente Oliver J., Díaz Díaz A., Bescós Corral A.* Tiermes. Excavaciones arqueológicas. Soria, 1990; *Argente Oliver J.* Tiermes. V. Soria, 2002.

¹³ *Blázquez Martínez J.M.* Los pueblos de España y el Mediterraneo en la antigüedad. Estudios de arqueología, historia y arte. Madrid, 2000. P. 13–33; *Lorrio A.J.* Ercávica. La muralla y la topografía de la ciudad. Madrid, 2001. P. 127–133; *Sánchez Moreno E.* Vetones: historia y arqueología de un pueblo prerromano. Madrid, 2000.

«стоит город Гадир, так как на языке пунийцев место, укрепленное стенами, называется “гадир”. Сам он прежде назывался Тартессом» (Ora mar. 269–270). «Широко лежит побережье Тартессийского залива», куда впадает река Тартесс, «три ее протока идут по полям... четырьмя другими она омывает город с юга». Неподалеку от горы Тартесс (акрополя. – Л.К.) есть небольшой островок, где существовал «храм Венеры, и глубокая пещера вмещает ее святилище; там же и ее оракул». В городе осуществляли и «торжественное служение Геркулесу». «В древние века это был большой и богатый город... и... в представлении людей имел... могущество и блеск...» (ibid. 275–290, 315).

Активная урбанизация полуострова, вызванная спецификой его экономического развития, определила особую роль города в процессе политогенеза. Город являлся центром территориальной организации отдельных этносов. На наш взгляд, этот процесс уходит корнями в период существования протогородов в качестве племенных «столиц», когда их названия отражали доминирование определенного этноса на той или иной территории. Древнейшие пласты письменной традиции сообщают нам о Тартессе – городе тартессиев, Мاستии – городе мастиенов, Иллерде – городе иллергетов и т.д. По мере формирования иберийского этноса, гомогенизации его культурных параметров уменьшается число таких племенных столиц, сохраняются города, возглавившие процесс синойкизма. Следы его прослеживаются как в археологии, так и в письменной традиции. Тот же Тартесс, судя по произведению Авиена, не предстает в виде хорошо спланированного компактного городского образования, но включает в себя достаточно обширную территорию с несколькими укрепленными возвышенностями – «гора Аргентарий», «гора Тартесс», «высоты крепости Геронта»; существует несколько сакральных мест – храм Венеры, место отправления культа Геракла. Иберийский город Индика, столица племени индикетов, становится составной частью более крупного города Эмпориона. Его территория (Strabo. III. 4. 8) включает не только материк, но и небольшой островок, туземное святилище. Свой пригород – «маленький городишко Малия, где был гарнизон нумантийцев» (App. Iber. 77) существовал у Нуманции. Известно, что, захватив Термес, Тит Дидий выселил его жителей в неукрепленное поселение на прилегающей долине.

Погребальная архитектура народов полуострова представлена материалами некрополей на обширной территории от устья Гвадалквивира до Каталонии и Кастилии. Столь же широк их хронологический диапазон: VI в. до н.э. – II в. н.э. При всем своеобразии погребальных традиций, свойственных конкретным этносам, существует определенная общность присущих иберийскому стилю черт. Некрополи располагались в непосредственной близости от поселений, несмотря на сложности ландшафта или ценность почв. Лирия и Сагунт, например, имели некрополи на прилегающих горных склонах, а некрополь Терманции вплотную примыкал к городской стене. Прибрежные поселения типа Албуферета, Молар, Кабесо Луцero вынуждены были использовать для некрополей ценные пахотные земли в окружавших города долинах¹⁴.

О связи некрополей с мегалитическими традициями народов Пиренейского полуострова свидетельствует распространенный повсеместно обычай помещать прах в своеобразные каменные ящики – тумулы. Тип их весьма однообра-

¹⁴ *García-Gelabert M., Blázquez J.M.* Las necrópolis oretanas de Cástulo. Paralelos con las necrópolis ibéricas del Sureste // Congreso de Arqueología Ibérica: Las necrópolis. P. 349; *Castillo Pascual P.* Las propiedades de los dioses: los loca sacra // Iberia. 2001. 3. P. 83–110.

зен. Можно, естественно, выявить отличия в некрополях горных и равнинных. В первых яма вырубалась в скале и слегка выравнивалась (в отдельных случаях) с помощью серой пасты (раствора). Таким образом, сама горная порода служила каменными стенами могилы. В некрополях на равнине обнаружены *loculi* (укрытия) – небольшие ямы прямоугольной, квадратной, круглой формы, выложенные камнем или известняком с обмазанными глиной стенами (иногда со следами обжига). Тем самым создавалась видимость традиционной каменной тумулы¹⁵.

В древнейших некрополях тумулы накрывались плитой. Урны имели крышки. Ямы закрывались плитами или крышками, посыпанными охрой. Сверху насыпалась почва. Камни, крышки, плиты и земля создавали надземный памятник-маяк. Такие материалы дали раскопки некрополя Термеса: уже в середине II тыс. до н.э. здесь кремированные останки помещали в урны или просто в каменную тумулу, могилы были покрыты и защищены, над ними возвышались небольшие каменные маячки¹⁶. По мере растущей социальной дифференциации изменяется внутренняя и внешняя монументальность могил, служившая индикатором ранга и престижа погребенного. Для родовой военной организации иберов, уходящей корнями еще в аргарскую эпоху, была характерна «героическая» идеология: могилы военной элиты иберов украшали примитивные стелы с рельефами всадников, колесниц, сражающихся воинов. В некрополе Термеса, например, появляются выложенные каменные круги и стела в центре, под которой помещали останки. В западной части некрополя были обнаружены погребальные сооружения: каменные или песчаниковые монументы небольшой высоты и могилы вокруг них. Оружие венчает несколько урн с прахом, датируемых V в. до н.э. Сходен и архитектурный облик некрополя Эстакар де Робаринос (близ Кастуллона, Линарес)¹⁷. Эти изменения относятся к V–IV вв. до н.э.

На юге полуострова подобные процессы происходят раньше, и монументальность некрополей здесь проявляется значительно ярче. Над могилами высятся памятники в виде квадратных в плане башен, поставленных на уступчатые пьедесталы. Фланги башен украшены фигурами фантастических зверей. Типичен некрополь в Посо Моро (Альбасете) с монументом в виде квадратной в плане башни, возвышавшейся на трех ступенях. Общая высота памятника достигает 5 м. В основании башни, по ее углам, расположены фигуры лежащих львов,

¹⁵ Исследователи пытались искать в этой традиции иллирийские корни, перенесенные на полуостров как «европейский багаж». Предположение о распространении такого обычая финикийцами противоречит хронологии, поскольку появление тумул на севере полуострова зафиксировано ранее. Более реально, на наш взгляд, рассматривать данный обряд как новое оживление мегалитических традиций, сохраненных аргарским этническим субстратом. Эта мысль, возможно, подтверждается исследованием некрополя Мекиненса, в котором соседствуют кремация и ингумация, используются тумулы. См. *Tomás Maigi J.* Elementos estables de los túmulos bajoaragoneses de cista excéntrica // *Caesaraugusta*. 1959. P. 13–14; *Almagro Gorbea M.* Los campos de túmulos de Pajaroncillo (Cuenca). Madrid, 1973 (Excavaciones arqueológicas en España. T. 83); *Maya J.* Las necrópolis tumulares ilerdenses. Barcelona, 1978; *Beltran Lloris M.* Enterramientos infantiles en el poblado ibérico de El Castillejo de Romana // Simposi internacional «Els orígens del Mon Ibéric» = Ampurias. 1976–1978. Vol. 38–40; *Pons E.* El ritual funerari de l'incineració: concepte i significació. Una aplicació a l'Empordà. Barcelona, 1986; *Royo J.* La necrópolis tumular de Los Castelletes de Mequinenza (Zaragoza) // *Arqueologia Aragonesa*. 1987.

¹⁶ *Argente Oliver.* Op. cit.

¹⁷ Ibid. P. 14; *Morote G.* Una estela de guerrero con espada de antenas en la necrópolis ibérica de el Molar // *Archivo de Prehistoria Levantina*. Valencia, 1981. T. XVI. P. 417–446.

оскаливших пасть в могучем рыке. Памятник датируют концом VI в. до н.э.¹⁸ В некрополях испанского Леванта в VII–IV вв. до н.э. преобладают колонны с навершиями в виде животных и птиц¹⁹. На рубеже V–IV вв. до н.э. обычным становится устройство обширных усыпальниц. Наиболее знаменит погребальный памятник иберов, известный как Дама де База, в провинции Хаэн. Это большая гробница, состоящая из двух тумул. У стены центральной камеры, точно посередине помещена статуя сидящей женщины в типичной иберийской одежде. Останки покойного находились в урне внутри статуи. В четырех углах гробницы были сделаны специальные ниши, в которых найдены изысканные амфоры. Вторая, примыкавшая к восточной стене прямоугольная тумула содержала многочисленную керамику и железное оружие. Вся конструкция сооружена из необожженного кирпича²⁰.

Развитая погребальная архитектура, наличие антропоморфной и зооморфной скульптуры, украшающей могилы, частое использование ее как хранилища праха – все это свидетельствует о сложной идеологической концепции, сопровождавшей жизнь и смерть народов Иберии. Иберийский пантеон сложился в системе общего средиземноморского койне, но имел определенные особенности.

В неолитическую эпоху Земля и все материальные вещи, вероятно, рассматривались как результат излияния божественного начала. Многочисленные статуэтки женщин с подчеркнутыми половыми признаками, обнаруженные на мегалитических памятниках полуострова, являются, по всей видимости, женской персонификацией творческой энергии, олицетворением созидательных и губительных сил природы. Особая значимость и древность культа высшего женского божества – Великой богини – на полуострове связана, как представляется, с интенсивными этническими процессами, сопровождавшими ранний период его истории. Традиции почитания женского божества, соотносящегося с землей и, более широко, с творческим началом в природе, были характерны и для индоевропейских народов, проникших на полуостров в эпоху поздней бронзы, и для народов Средиземноморья – финикийцев, греков, этрусков²¹.

Основная характеристика, определяющая место Великой богини в мифологической модели мира народов Иберии, – созидательная функция, имевшая несколько аспектов. Как супруга бога-творца она участвует в творении мира и в этой функции отождествляется с землей. Греческий аналог данной функции – Гера. Античные авторы упоминают местную богиню как Геру и сообщают о почитании ее тотемного животного – коровы (Strabo. III. 5. 3; Diod. IV. 12. 2). Еще с эпохи неолита просматривается другой важнейший аспект культа Великой богини – покровительство плодородию почвы, скота и людей. Аналогом местного божества с подобными функциями у древних авторов выступает Венера (Av. Ora mar. 158, 369, 430). Мифологема матери связана и с архетипом выс-

¹⁸ *Almagro Gorbea M.* Pozo Moro y la formación de la cultura ibérica // *Saguntum*. 1978. 13. М. Альмагро-Горбе тщательно исследовал этот памятник и предложил вариант его реконструкции (*idem*. *Las necrópolis ibéricas en su contexto mediterráneo* // *Congreso de Arqueología Ibérica: Las necrópolis*. P. 37–75. Fig. 6).

¹⁹ *Cuadrado E.* La necrópolis ibérica de El Cigarralejo. Madrid, 1987. P. 106.

²⁰ *Precede F.* La Dama de Baza // *Trabajos de Prehistoria*. 1973. 30. P. 151–206; *Negueruela N.* La escultura ibérica de Cerrillo Blanco de Porcuna (Jaén). Madrid, 1990.

²¹ *Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. СПб., 2000. С. 24–26; *Prosper B.M.* *Lenguas y religiones prerromanas del Occidente de la Península Ibérica*. Salamanca, 2002; *Olivares Pedreño J.* *Los dioses de la Hispania céltica*. Madrid, 2002.

шего женского существа, выражающим ощущение смены поколений, преодоления власти времени, бессмертия²². Эта сторона культа Великой богини объясняет ее хтонические черты, особенно близкие народам полуострова. Многочисленные женские статуарные изображения составляют часть погребального ритуала иберов. Мы упоминали о богине из некрополя База, которая служила ритуальным центром усыпальницы. Включение Великой богини в круг мифологических представлений о вечном бессмертии объясняет ее преимущественную связь с мистериями и различными тайными культами. Страбон отмечал иберийский обычай приносить жертвы при полнолунии и водить хоробы всю ночь напролет (Ш. 4. 16). Табуирование имени божества и связанные с этим таинства культа богини подземного царства засвидетельствованы в почитании груды камней на небольшом островке, который нельзя посещать ночью (Strabo. Ш. 1. 4; Av. Ora mar. 241).

Великая богиня могла воплощать множество функций, демонстрируя растущий синкретизм мышления и идеологическую гомогенность отдельных групп, составивших иберийский этнос. Любопытно, что на полуострове многократно засвидетельствовано античными авторами (Av. Ora mar. 495; Strabo. Ш. 1. 9; 4. 6) почитание Великой богини в образе Артемиды, в культе которой сочеталось множество функций. Древнейшее представление об Артемиде связано с ее лунной природой, поскольку она выступает как близнец солнечного брата – Апполона (Hes. Theog. 918). Греческая мифология знает Артемиду-Луну, влюбленную в красавца Эндимиона (Apoll. Rhod. IV. 57–58). Особенно близка воинственному духу народов Иберии была, вероятно, Артемидо-воительница. В этой роли известна Артемидо Эфесская, которая покровительствовала амазонкам, защищала мировой порядок, установленный олимпийцами, и вместе с Гераклом участвовала в битве против гигантов (Callim. Hymn. II. 237; III. 110). Ее символ – белая лань (Pindar. Ol. III. 20–30). Показательно в этой связи замечание Плутарха о Сертории, который, стремясь объединить народы Иберии, появлялся в сопровождении прирученного белого оленя, «распуская слух, будто он подарен ему Артемидой» (Plut. Sert. XI). Особенности культа иберийской Богини соответствовали хтоническая необузданность и оргиастические элементы культа Артемиды, отправлявшегося в ее Эфесском храме. Известно также, что древнейшие святилища Артемиды находились вблизи источников и болот, символизируя плодородие растительного божества. Античные авторы подчеркивали, что святилища Артемиды в Иберии всегда были расположены близ озера, источника, болота.

Археологические материалы расширяют географические и хронологические рамки наших представлений о культе Великой богини. Женские неолитические фигурки встречаются как в центральных и западных регионах, так и в мегалитических сооружениях юга и юго-востока Испании. К эпохе энеолита и ранней бронзы относятся серии керамики с реалистичным изображением женского существа, а также антропоморфные идолы, выполненные из глины и кости. Этнокультурная консолидация, формирование общего идеологического пространства в эпоху бронзы и раннего железного века приводят к широкому распространению культа Великой богини по всему Пиренейскому полуострову. Святилища, где отправлялся культ, обнаружены в Эль Карамболо (Севиля), Кастулоне (Хан), Клуни (Наварра), Галера (Гранада), Посо Моро (Уэльва), Лос Вильярес (Ва-

²² Штаерман Е.М. Венера // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 229–232; Аверинцев С.С. Архетипы // Там же. С. 110–111.

ленси́я), Льяно де Консоласьон, Сигаральехо (Мурсия), Эльче (Аликанте), Ульястрет (Герона), Серро де лос Сантос (Альбасете)²³.

Непременным спутником Великой богини в ее созидательной деятельности выступает бог-творец. Для земледельческих и скотоводческих народов эпохи неолита особенно характерно мифологическое и обрядовое отождествление мужчины и быка. Фигурки быка, как зооморфное воплощение бога-творца, обнаружены и во многих иберийских святилищах. Так, в Кастулоне терракотовая статуэтка быка служила жертвенным алтарем. Такую же роль выполняла фигура быка в Обулконе. В древнейших слоях святилища Канчо Роано обнаружен алтарь в форме бычьей шкуры. В сопровождении астральных символов бык фигурирует на керамике из Нуманции и в святилище Рохалес (Аликанте), рогатое божество изображено на рельефах из Риотинто (Уэльва), знаменита бронзовая голова быка из святилища Костиг на Балеарских островах. Многочисленные надгробия с фигурами быков в иберийских некрополях и использование мяса быка в погребальной трапезе заставляют вспомнить о его хтонической функции. В греческой мифологии она связана с древнейшими представлениями о боге-творце, когда силы космоса еще боролись с хаосом. Эпитет Зевса – Хтоний (Hes. Op. 465; Hom. Il. IX. 457) – определяет его как владыку подземного царства, вершившего суд над мертвыми. Вероятно, в религиозную культуру иберов уходит корнями и современная испанская коррида, где в поединке человека с черным быком отражается представление о постоянной борьбе жизни со смертью²⁴.

Пантеон иберов включал и культ бога-целителя, подобного греческому Асклепию, который был настолько искусен, что воскрешал мертвых (Apollod. III. 10. 3–4). Именно поэтому его фетишем была змея, символизирующая подземное царство. Скульптурное изображение бога-врачевателя с этим символом найдено в святилище Сан Мигель де Мота (Португалия). Известны многочисленные votivos частей тела человека, оставленные в иберийских святилищах. Особенно много их найдено у живительных источников в Колокадо де лос Гардинес и Кастельяр де Сантистебан.

Важнейшую часть ритуала иберов составляли жертвоприношения, являвшиеся непременным элементом погребального обряда: в могилах встречается множество костей коз, овец, свиней. Бескровные жертвы состояли из лесных и грецких орехов, оливок, винограда, зерна, меда. Жертвенный ритуал сопровождался пиршеством. Его следы выявлены, например, в некрополе Эль Молар (Аликанте) в виде пятна кремнезема, оставшегося от кремации умерших, и множества костей овец, коз, свиней, быков, собак, оленей и черепках, а также черепков греческой и иберийской столовой посуды. Столь же выразителен погребальный комплекс некрополя Лос Вильярес²⁵. Нередки были и человеческие жертвоприношения, сопровождавшиеся процедурой гадания. «Пленников...

²³ *Gómez Pantoja J.* Ex ultima Celtiberia: desarrollo municipal y promoción social en las viejas ciudades arevacas // *Sociedad y economía en el occidente romano*. Pamplona, 2003. P. 231–282; *idem*. Las Madres de Clunia // *Pueblos, lenguas y escrituras en la Hispania prerromana*. Salamanca, 1999. P. 421–432; *Blázquez Martínez J.M.* El Mediterráneo y España en la antigüedad: historia, religión y arte. Madrid, 2003. P. 31–52.

²⁴ *Gutiérrez Behemerid M., Subías Pascual E.* El llamado templo de Júpiter de Clunia // *AEA*. 2000. 73. P. 147–160; *García Quintela M.V.* Mitos hispánicos. La Edad Antigua. Madrid, 2001.

²⁵ *См. Blázquez.* Op. cit.; *Monraval J., Lopez Piñol M.* Restos de un cilicernio en la necrópolis ibérica del Molar // *Saguntum*. 1984. 18. P. 145–162.

сначала закутывают в плащи... жрец-гадатель поражает жертву во внутренности, гадают по падению тела жертвы» (Strabo. III. 3. 6). Высоко ценившие воинскую доблесть народы Иберии почитали и бога войны Ареса, которому приносили в жертву козлов, коней и пленников (ibid. III. 3. 7). На северо-западе страны, где жили воинственные горцы, обнаружены его святилища с алтарями для кровавых жертв.

Особенной чертой религиозной культуры иберов была ее публичность. Ритуальные действия непременно сопровождалось военными состязаниями, схватками с дикими животными, плясками, пением, игрой на музыкальных инструментах. Страбон отмечал, что жители Иберии «приносят жертвы... и всем домом устраивают хороводы всю ночь напролет» (Strabo. III. 4. 16). Вереницы танцующих мужчин и женщин составляют орнаментальный декор ритуальной керамики из Эльче и Лирии. Единоборство человека с быком, парные и командные сражения гоплитов показаны на погребальных стелах и керамике.

В основе представлений иберов о космосе, вероятно, лежал универсальный, почти ойкуменически распространенный «основной миф». Его сюжет – успешная борьба света (связанного с небом) и тьмы (связанной с преисподней). Итогом борьбы является установление порядка, при котором силы добра и зла занимают отведенное им место. В изобразительном искусстве разных народов мифопоэтическая концепция структуры мира выражена в виде своеобразного «мирового древа», где по вертикали расположены составляющие мироздание части, а ствол символизирует связь между космическими зонами. Именно этот сюжет представлен на иберийской вазе из Азайла: в типичной для иберов живописной манере изображено дерево, которое заполняет все пространство сосуда. У его корней художник поместил льва, на ветвях сидят голубки, на крылья которых нанесены символические знаки. Птицы, занимающие нижние ветви, изображены с пальметками в виде крестов на крыльях. Верхние ветви заняты голубками, у которых волнистые линии на крыльях символизируют потоки воздуха. Живописным сюжетом на тему «мирового древа» была украшена ваза из Арчены. Ее фрагменты позволяют предположить, что композиционным центром изображения являлась фигура крылатого божества, образующего ствол, пространство под ветвями заполнено пальметками с некими символами.

Установление мирового порядка, ознакомление людей с различными предметами культуры, обучение приемам труда в мировой мифологии приписывается героям (например, Гильгамешу), божествам (Прометею, Гераклу), мудрым реформаторам (Тезею, Ликургу, Ромулу). Все они выступают в ипостаси культурных героев. В иберийской мифологии также есть свой культурный герой-реформатор – Габис. О нем сообщает Юстин как о царе, который дал людям законы, научил их обрабатывать землю и избавил от голода (Iust. XLIV. 4. 1). По мере знакомства с мифологическими представлениями финикийцев и греков, колонизовавших полуостров, иберы воспринимают новых культурных героев. Особенной популярностью пользовался Геракл, который совершил несколько подвигов именно на дальнем Западе. В иберийском искусстве часто используются сюжеты, связанные с его подвигами. Древнейшие периплы упоминают жертвенник и храм героя на Пиренейском полуострове (Av. Ora mar. 274, 327, 359).

Иберийские святилища были тесно связаны с некрополями, что, вероятно, отражает еще мегалитические традиции использования культовых сооружений как усыпальниц и мест-маяков, определявших территорию того или иного племени. Может быть, именно этот пережиток зафиксировали археологи, когда

обнаружили интегрированный в гробницу героон, который являлся своеобразным указанием на место родового культа в некрополе Посо Моро²⁶. Впечатляющие материалы получены при раскопках святилища Великой богини в местечке Фернао Ваз на юго-западе полуострова²⁷. На высоком берегу реки Мира возвышался алтарь и стояли развалины небольшого строения (храма?). В непосредственной близости от святилища, на склоне холма находились два некрополя, датируемые соответственно VII и V веками до н.э. Довольно широкая дорога, соединяя святилище и некрополи, спускалась к реке. Близ алтаря найдены многочисленные глиняные фигурки коров и ритуальные бронзовые иглы-проколки (своеобразные стилеты) для совершения ритуалов, связанных с очищением кровью жертвы. Подобные предметы имели широкое распространение в Средиземноморье в VIII–VII веках до н.э. Подтверждением служит изображение жертвенного ритуала на краснофигурном кратере из Алкасер де Сал (Португалия), где животное умерщвляется с помощью подобных стилетов, а над действующими лицами возвышается голова коровы. Близость к водному источнику, ритуальные жертвоприношения, символизирующие очищение кровью, глиняные вотивы коровы позволяют идентифицировать это святилище с культом Великой богини – иберийского аналога Геры.

Сакральные сооружения иберов различаются только по набору вотивных предметов, связанных с особенностями того или иного культа. Знакомство иберов с идеологическими представлениями народов Средиземноморья значительно расширило архитектурное обрамление культовых процессов. Свидетельством тому уникальный памятник в Канчо Роано (Бадахос). Материалы показывают, что Канчо Роано являлся своеобразным дворцово-храмовым комплексом. Общий вид комплекса, несколько финикийских амфор демонстрируют, по мнению М. Альмагро Горбе, «значительное сиро-палестинское влияние». Вместе с тем набор артефактов типично иберийский, что свидетельствует о принадлежности этого комплекса иберийской правящей элите. Особенно интересна символика бронзовых пряжек. На них в истинно туземной манере выгравированы лошади и колесница, серны²⁸.

Скульптура и изобразительное искусство являются не только важнейшим источником для суждения об идеологических представлениях иберийских народов, но и отражают их художественные и эстетические запросы, полноту мироощущения, воссоздают своеобразный культурный генотип формирующейся этнической общности. Каменная, бронзовая, терракотовая пластика народов Пиренейского полуострова представлена несколькими тысячами ее образцов, датируемых VII–II веками до н.э. Перед зрителем предстает череда священнослужителей, воинов, музыкантов и танцовщиков, простых и знатных мужчин и женщин. Оригинальность произведений этой статуарной и рельефной культовой пластики заключается в стремлении передать динамику фигур или композиции. Наряду со статичными фигурками жриц, закутанных с головы до ног в плащи, представлены многочисленные статуэтки воинов, не только стоящих в пол-

²⁶ *Almagro Gorbea M. Santuarios urbanos en el mundo ibérico. Madrid, 2000; Nicolini G. et al. Santuario ibérico de Castellar, Jaén. Sevilla, 2004.*

²⁷ *Gamito Judis B. The Wind of Change Blows from the East // The Bronze Age – Iron Age Transition in Europe. Oxf., 1989. P. 136–172.*

²⁸ *Maluquer de Motes J. El Santuario protohistórico de Zalamea de la Serena, Badajoz. Barcelona, 1981; Almagro Gorbea M. Cancho Roano. Un palacio orientalizante en la Península Ibérica // Madrider Mitteilungen. 1990. 31. P. 251–308; idem. Las necrópolis ibéricas... P. 43.*

ном вооружении, но и галопирующих на лошади, сражающихся, бегущих. Поражает умение иберийских мастеров рассчитать центр тяжести фигуры, что позволяет передать движение, не прибегая к приему «коленипреклоненного бега», который использовался для передачи движущейся фигуры в древнейшей греческой пластике. Специфически иберийским скульптурным жанром является изображение процессий, увековечивавших отдельные важнейшие события идеологической жизни общества. Такова, например, найденная близ Валенсии композиция из бронзовых фигурок, передающая обряд жертвоприношения. Столь же динамичны скульптурные храмовые и надгробные рельефы. Они иногда создают непрерывный фриз (зофор), передающий напряженный момент битвы или торжественное шествие, возглавляемое музыкантами. Особенная выразительность движущихся фигур зофора достигается мастерами с помощью тщательной отделки складок одежды, передающих поступь человека, особый разворот рук и ног²⁹.

Вершина иберийской пластики – скульптурный портрет. Этот жанр представлен знаменитыми женскими скульптурами из Эльче и Гардамар. Женский скульптурный образ, известный как «Дама из Эльче», поражает необычайным реализмом. Автор тщательно воспроизводит все детали одежды, головного убора, украшений иберийской женщины. Скульптору удалось вдохнуть жизнь в ее совершенные черты благодаря легкой улыбке, мягкости моделировки глаз и носа. Идеальная красота модели вызывает у некоторых ученых сомнения в реальности ее существования, поэтому они предполагают, что иберийский мастер создал изображение Великой богини³⁰. Это произведение неизвестного гениального ваятеля стало символом высокого развития иберийского искусства пластики (рис. 1).

Испания входит в число немногих мест, где найдены образцы древнейшей живописи. Наскальные фрески в пещере Альтамира, многочисленные зарисовки людей и животных, сюжетные фризы на бытовые темы (сцены охоты, земледельческих работ, танцев) на скалах в провинциях Хаэн, Бадахос, Сьюдад Реал демонстрируют прочные традиции художественного восприятия окружающей действительности, свойственного народам Пиренейского полуострова. В эпоху формирования иберийского этноса эти традиции оказались востребованы. Эволюцию технического и художественного мастерства демонстрирует иберийская вазопись. Изысканный декор стилизованных растительных мотивов и спиралей, линейно-геометрическая роспись, гармоничная связь с формой вазы были свойственны древнейшим образцам местных художников. Поражает хрупкая соразмерность формы и декора, которая выражена в строгой архитектонике форм сосудов, подчеркнутой полосами орнамента. Великолепным образцом служит известная «ваза с косулями» из Мурсии. Вертикальный орнамент в виде тянущегося вверх растения усиливает ощущение вытянутости, высоты «вазы с голубками» из Азайла. Важным шагом в развитии техники вазовой живописи стало появление силуэтного рисунка. Безусловно, огромное влияние на становление его техники оказали средиземноморские мастера³¹. Однако иберийские вазо-

²⁹ Прекрасный иллюстративный материал можно найти в работе: *Olmos*. Op. cit.

³⁰ Столь же противоречивы предлагаемые датировки этой скульптуры: от V–IV до II в. до н.э.

³¹ Практически все иберийские некрополи содержат греческую и финикийскую расписную керамику. В тумулах знати великолепные образцы импортной керамики соседствуют с произведениями местных мастеров. *Ballester E.P.* Los Villares. Valencia, 1980. Lam. XXIV, XL.

Рис. 1. Дама из Эльче (Музей Прадо. Фото А. Гарсиа-и-Бельидо)

писцы совершенно свободны в выборе сюжетов, композиционных приемах, орнаментах. Врожденный темперамент иберийских художников позволяет им браться за сложные для плоскостного изображения батальные и ритуальные сюжеты. Воины и колесницы, исполненные контурным рисунком, образуют орнаментальные фризы на многочисленных вазах из Лирии. Мягкие контуры фигур, строгий и точный рисунок – отличительные черты таких сюжетных композиций. Ритуальные сюжеты требуют не просто изображения участников-адорантов, но передачи их действий. Многие художественные школы древности решали эту проблему путем применения схемы мультипликации, приводящей к созданию композиций из повторяющихся символических блоков. Иберийские мастера подошли к решению проблемы совершенно иначе. Они сумели создать переход между сутью изображения и зрителем, включить его в ситуацию путем максимальной индивидуализации каждого участника ритуальной процессии. Так, на одном из сосудов Лирии буквально иллюстрируется сообщение Страбона о ритуальных танцах иберов (III. 4. 16). Художник показывает хоровод танцующих фигур, каждая из которых наделена своими индивидуальными чертами. Зритель видит флейтистов, возглавляющих процессию. Один из них играет на двойной флейте, он одет в ритуальный плащ, выступает плавно и торжественно.

Рис. 2. Образец вазописи керамических серий Лирии. Фриз с ритуальными танцами

но, что резко контрастирует со свободными движениями и «цивильной» одеждой его партнеров. Одежда танцоров разнообразна, и многие ее детали сохранились в испанском национальном костюме. Это короткие жилеты-болеро у мужчин, платья со шлейфом и многочисленными оборками по низу у женщин. Впечатление массовости, насыщенности, праздничности шествия усиливается благодаря обильному растительному орнаменту, заполняющему пространство между фигурами. Каждая фигура сопровождается особой орнаментальной деталью, которая подчеркивает ритм движения танцора (рис. 2).

Таковы характерные черты общего стиля иберийской культуры. Задача исследователей – выявить культурные особенности отдельных этносов, формировавших ее, проследить динамику культурной консолидации, сложного сочетания общих черт и особенностей.

THE ETHNONYM «IBERIANS» AND ITS CULTURAL MEANING

L. M. Korotkikh

Native culture on the Iberian Peninsula developed according to the same laws as in Greece, Italy and Asia Minor and approximately within the same chronological limits (the second half of the 2nd millenium BC – the middle of the I millenium BC). Its development was modified by outer as well as by inner factors. The term of «Iberian culture» refers to the essence of the cultural world of the Peninsula, just in the way the terms «Hellenic», «Etruscan» or «Hittite» denote characteristic features of respective cultures taken on the whole (i.e. in defiance of local ethnic nuances within each of them). In economical and socio-political spheres, reflected in mythological systems and ritual practice, the Iberian culture exhibits characteristic features making it different in the eyes of ancient historians and ethnographers, who designated the bearers of this culture as «Iberians».